

ДВА ЧАСА В МАСТЕРСКОЙ

Михаил Константинович Аникишин — человек, чье творчество стало меткой нашей эпохи. И если позволительно применять к художникам табели о рангах, то для меня лично он один из немногих избранных, отмеченных Богом мастеров, кого должно причислить к когорте великих.

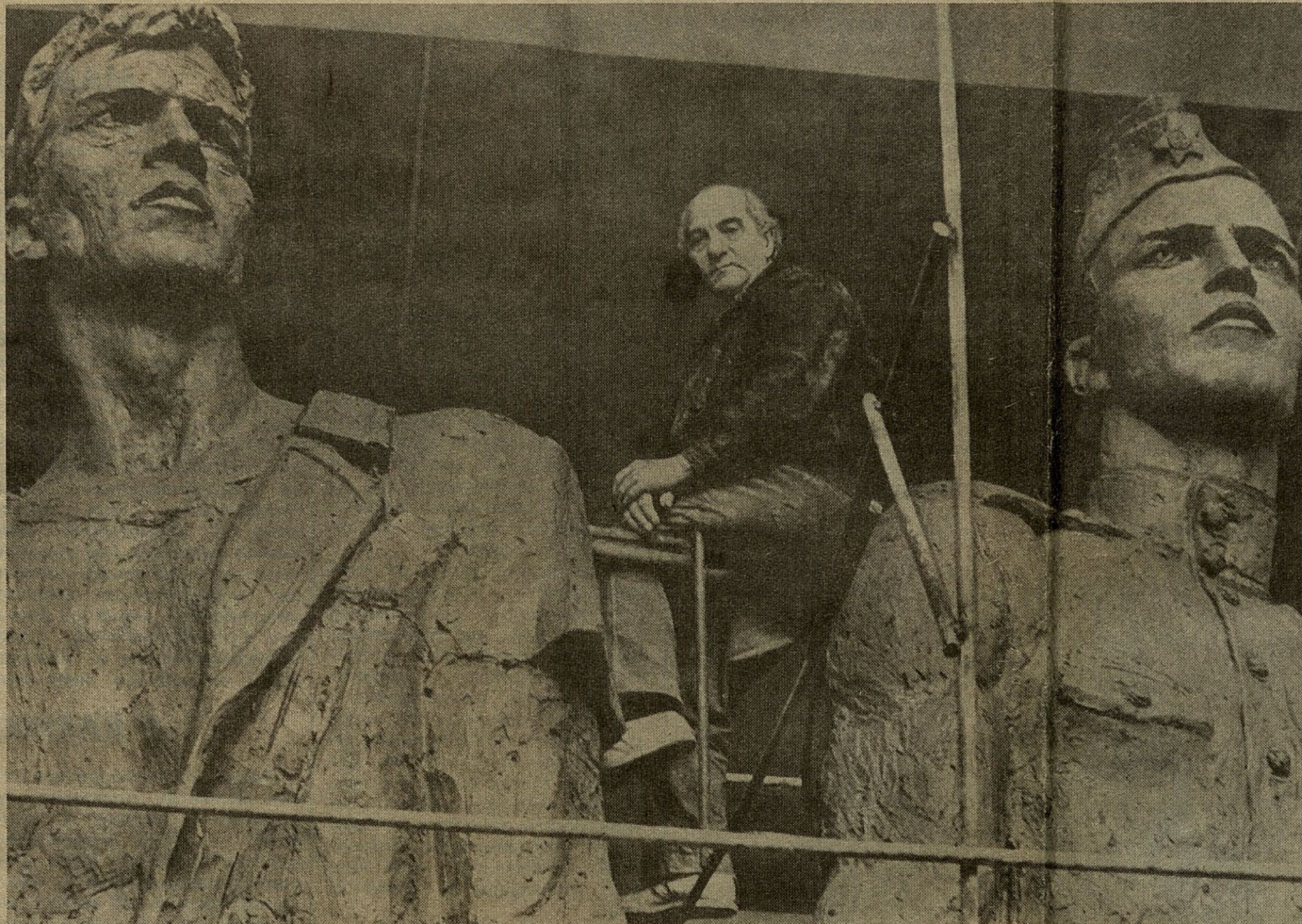
Все «началось» с памятника Пушкину на площади Искусств в Ленинграде. Впервые попав в этот город и окунувшись в колдовскую гармонию его изумительной архитектуры, я уже никогда не смог бы себе представить Ленинград — Санкт-Петербург без аникишинского Пушкина. Одной этой работы было бы достаточно, чтобы обессмертить имя мастера. Но Пушкин — лишь одна из его вершин...

Два часа, проведенных в мастерской М. Аникишина, — подарок судьбы. Это святая святых мастера. Сам хозяин в простой робе: сегодня воскресенье, но именно в такой день и можно поработать — не так одолевают визитеры (не в мой ли огород камень?). Нет, нет, добродушно улыбается он. В мастерской, кстати сказать, Михаил Константинович не единственный хозяин. Он делит ее со своей женой, известным скульптором Марией Тимофеевной Литовченко. Это ее голосом отозвалась телефонная трубка на мой утренний звонок. А потом уже сам Михаил Константинович объяснил, как добраться до его «пенатов». Следовало, в частности, доехать на метро до станции «Черная речка» и непременно посмотреть установленный там памятник Пушкину. Мастерская расположена в глубине старинного петербургского сада. Дорожка, ведущая к входной двери, терзается в буйно разросшихся кустах шиповника. Огромное помещение, напоминающее одновременно цех, склад и скульптурную мастерскую. Здесь уместается железнодеревянная платформа на рельсах, штабеля мешков с гипсом — строительным материалом мастера (по нынешним временам ему цены нет!), подъемник с люлькой, многочисленные скульптуры. Многие из них хрестоматийно известны по фотографиям и репродукциям. Это эскизные варианты и слепки того, что потом превращалось в городские памятники, бюсты, мемориальные доски.

На торцевой стене выполненные в натуральную величину эскизы фигур известного каждому памятника защитникам Ленинграда. Здесь же одна из групп этого монумента: пожилая женщина, партизан, солдат с поразительно прекрасным юным лицом.

На какой бы работе мастера ни останавливался взгляд — будь то рабочий, разливающий сталь, обнаженный женский торс или скульптурный портрет артиста Н. Черкасова — поражает совершенство формы. Гармония пропорций, красота лиц.

Сколько их здесь, прославленных людей и безымянных персонажей эпохи! О каждом, а точнее, с каждым из них Михаил Константинович говорит

Михаил Аникишин

ЦЕННОСТИ ПЕРЕОЦЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ, ЕСЛИ ОНИ ПОДЛИННЫЕ

ласково, как с живым другом, — эти люди и вправду все были его друзьями.

Поэт А. Прокофьев, академик-кораблестроитель Н. Игнатов, композитор Р. Глиэр, авиаконструктор А. Яковлев. Скульптура девочки, которая была выполнена для Осаки, — символ дружбы наших народов. Женщина с ребенком — «Мир» — композиция для Нагасаки. А вот памятник Пушкину, установленный в Дели. Бюсты Г. Улановой, В. Голубевой (помните, ивановская ткачиха?).

Замечая старинный мольберт. Откуда он здесь? Оказывается, это подарок семьи артиста Н. Симонова. Рядом старое-престарое, кое-где прорванное, но, очевидно, очень удобное и мягкое кресло, в котором можно отдохнуть, сосредоточиться...

Мы медленно идем по мастерской, останавливаясь то у одной, то у другой скульптуры, неспешно беседуем, Михаил Константинович размышляет о жизни, о ее ценностях, вспоминает о людях, которые побывали здесь за многие годы.

— Как бы вы определили главную тему своего творчества?

— Главная тема? Человек, его красота, гуманность, его благородство.

— Михаил Константинович, у вас все люди красивы. Это сразу ощущается и здесь, в мастерской, и когда видишь ва-

ши работы, установленные на пьедесталах. Как это вам удается? Как вы пришли к своему Пушкину?

— Это все то, о чем я сейчас сказал. Мое творческое кредо — показать каждого человека таким, каков он есть. Не я хочу награждать его какими-то чертами, что-то придумывать, а он сам должен выразиться. Поэтому и Пушкин получился. Это не я, не мой Пушкин, а он сам. У нас принято говорить: мой. А ведь это произвол. Что же это такое — мой? Как хочу, так и делаю? Ничего подобного. Я хочу быть очень объективным по отношению к каждому персонажу, к его характеру. И тогда он сам о себе расскажет. Это во много раз труднее. Это даже невыносимо трудно...

— Но ведь все это еще нужно суметь сделать.

— А об этом я молчу...

— Судя по количеству скульптурных портретов Чехова здесь, в мастерской, это один из ваших любимых героев?

— Да. Антон Павлович! Нужно победить его, нет, не победить, а добиться, чтобы он выразил себя, пока не получается, и поэтому я никак не могу отдать его. В Москве ждут.

На Страстном бульваре должен быть памятник. Эта работа поручена мне после конкурса. Работаю давно. Наверное, никто так долго не делал памятник. На Пушкина у меня ушло более десяти лет, тут уже двадцатый пошел. Слава Богу, ждут, терпят. За это прошу передать мою благодарность москвичам. Ответственность колоссальная, и с каждым годом она повышается все больше.

— Вы создали много образов людей, которые были олицетворением эпохи.

— Это мои современники. Этих людей не зачеркнуть. Зачеркивают невежественные люди. Как можно зачеркнуть Черкасова? Это великий артист, сыгравший незабываемые роли, Иван Грозный, Александр Невский, гениальный Алексей в «Петре I», Дронов с его «Все остается людям»: все дурное и все хорошее... Владимир Михайлович Бехтерев — явление неотразимое, один из умнейших людей двадцатого века. А как можно забыть композитора Глиэра? Его «Гимн великому городу» — визитная карточка Петербурга.

А вот наш великий композитор Георгий Васильевич

Свиридов, написавший огромное количество превосходной, прекрасной музыки. Одна «Метель» чего стоит! Сколько в ней русской интонации, души! Почему такая музыка редко звучит по радио? Ткнешь пальцем кнопку, и хоть разбей телевизор: одни пузочесы тарабанят. Храню афиши свиридовского концерта. Какие названия: «Веснянка», «Господи, спаси», «Святый Боже»... Он сам был на этом концерте в марте нынешнего года.

— Михаил Константинович, вы олицетворяете реалистическую манеру творчества. А как вы относитесь к тем, кто воспроизводит мир в иных ракурсах?

— Пусть творят по-своему. Время оценит и все поставит на свои места.

— В последнее время у нас происходит переоценка многих ценностей. Как вы относитесь к этому процессу?

— Переоценка ценностей? Каких? Ценности переоценить нельзя, если они подлинные. Со временем они будут становиться только ценнее. А все остальное уйдет в небытие. В жизни кто что видит. Художник Евсей Евсеевич Моисеенко как-то сказал: «Один видит

грязь, а другой — отражение звезд». Многие сейчас подзабываются. Забывают даже о нашей Великой Победе. В одном музее за границей упоминается лишь то, что русские взяли рейхстаг. Ничего себе! И все это западает в душу малышам.

Сегодня приходится настойчиво говорить о том, что русская культура — одна из самых древнейших в Европе. Возьмите русские былины, сказки, передававшиеся из уст в уста. Разве все народы стали сразу писать по-латыни! Кое-кто из наших авторов-умников видит в нашей истории одну дикость, невежество. За примерами далеко ходить не нужно. Вот книга, изданная на двух языках к Играм Доброй воли. Читаю: «Петр Первый — мудрый, талантливый, беззаветно любящий свое Отечество человек, прорубив окно в Европу (взяли бы хоть в кавычки пушкинские слова), — вывел Россию из дикости и отсталости».

Разве была Россия когда-нибудь дикой? Была бы она дикой, Петр Первый не «прорубил бы окно». А как бы мы победили шведов? Мы же никого не называем дикими: ни индейцев, которых загнали в резервации, ни французов, которые пошли на Россию войной, ни татаро-монголов. Еще Пушкин сказал о том, что неизвестно, какая была бы Европа, не останови Россия татаро-монгольское нашествие. Может быть, она была бы такая дикая!

А Рублев! Двенадцатый век! Дикарь? В это время еще не жили ни Рафаэль, ни Тициан, ни Леонардо, ни Джотто... Что

воспоминания. А за городом, помню, роскошный храм...

— Михаил Константинович, а вам не приходилось ли работать в театре?

— Нет. В театр я хожу слушать музыку. Меня волнует искусство балета. Помню первые визиты в театр, в Москве. Мне было десять лет. Какой был «Севильский цирюльник» с Козловским! А еще незабываемый спектакль «Ромео и Джульетта» с Улановой — уже здесь в Мариинском. Помню Сергея Сергеевича Прокофьева — автора музыки. Опера, балет — все это музыка, которая питает нас духовно.

— А вас политика интересует?

— Что такое политика? Мы сами создаем политику. Она должна выражать чувства, чаяния людей. А если это проявления отдельных личностей, то это уж не политика, а амбиции. В общем, что делаем, то и имеем.

— Уважаете ли вы авангард?

— Я сам авангард. Кто дал право некоторым художникам называть себя авангардом? Ведь это — впереди идущие. Верно? А почему же я последний?

— Видно, что вы заняты сейчас сразу несколькими работами.

— Да, так всегда бывает, всю жизнь.

— А что у вас, если так можно сказать, на выходе?

— Большая-пребольшая работа над памятником «300 лет морскому флоту России». Юбилей в 1996 году. Памятник будет установлен в Петербурге на Петровской набережной. Все мы связаны с мирскими делами, а вот выйдете на палубу корабля. Какое чувство радости охватывает от простора, шири. Может быть, вы потеряли землю, но обрели свободу. Поэтому я и взялся за эту работу. Это будет парящая фигура с расправленными руками-крыльями — поэтический символ. В дни юбилея будет праздник, ликование, фейерверк. Все это для души.

Еще один памятник для города Котка — погибшим в Роченсальмском сражении в 1789 году в войне со шведами. Это будет русская красавица, бросающая венки в воду. Есть такая обычай почитать погибших. Один венок нашим, другой — шведам. У них там есть свой обелиск — только шведам. Я поглядел подальше: ведь погибли молодые ребята? Погибли...

А вот бронзовая фигура Чайковского. Я давно выиграл конкурс на памятник композитору, да дело застопорилось: место установки выбрать не могут. Сейчас, чувствуется, людей больше волнует вопрос о том, как и от чего он умер.

— В вашем книжном шкафу много альбомов. Будет ли издан ваш альбом?

— Сейчас вряд ли. Никто ничего издавать не хочет. На свои денюжки — пожалуйста. Миллионов двадцать, пожалуй, нужно на это.

— И все-таки, Михаил Константинович, как у вас насчет оптимизма?

— Оптимизм не проходит. А как же иначе!

В гостях у скульптора побывал Валерий ИВАНОВ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.